

И.В. Ширяков

**Иностранная монета в русской денежной системе
второй половины XVII века¹**

(тезисы к докладу в ИЭ РАН 25.05.2017)

1. Как известно, до начала XVIII в. Россия не располагала добычей золота и серебра, чеканя собственные монеты из привозного сырья. Обеспечить приток драгоценных металлов ей позволяло осуществление политики активного торгового баланса, при которой Россия вывозила товаров больше, чем ввозила, и компенсировала разницу поступлениями иностранной монеты. Объем таких поступлений иногда достигал трети российского импорта.

2. Вопрос, о котором пойдет речь, слабо изучен. Есть лишь несколько работ, посвященных общей оценке роли иностранных монет в допетровской России, возбуждавшие полемику, точка в которой не поставлена до сих пор. Спор возник у коллег по работе в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа – И.Г. Спасского (1904–1990) и В.М. Потина (1918–2005).

С точки зрения Спасского, иностранные монеты в российское денежное обращение XV–XVII вв. не входили, хотя «свободно поступали на русский рынок как товар, а не как платежное средство». Из специфических функций денег, по его словам, «им было свойственно только то, что в весьма ограниченной мере они служили средством накопления и постепенно собирались в царских и церковных сокровищницах»¹. Основным предназначением иностранного монетного серебра в России, по мнению Спасского, было использование его как сырья для чеканки российских монет, приносившей выгоду и поставщикам серебра на монетные дворы, и казне. Передел иностранных золотых монет в русские (исключив выпуск Шуйским золотых копеек и денег, предпринятый для выплат шведским наемникам в период острой нехватки в казне серебра²), полагал И.Г. Спасский, не приносил экономических выгод, но преследовал иную важную цель – награждения «ратных людей» за успешные военные «службы».

В.М. Потин не был согласен с этим в принципе. Он считал, что русская денежная система проходила, не всегда совпадая по времени, те же этапы развития, что и денежные системы западноевропейских государств. Обратившись к выяснению роли иностранных монет в России XVI–XVII вв., он привел ряд примеров использования талеров и дукатов в расчетах с иностранцами во внутренней российской торговле³. Большинство их относилось к XVI – нач. XVII в. По мнению А.С. Мельниковой, веско аргументированные суждения В.М. Потина смогли всерьез поколебать категорические суждения «о роли западноевропейской монеты только как монетного сырья»⁴.

¹ © И.В. Ширяков, 2017 г.

3. При работе с документами Сибирского приказа удалось выявить немало известий о покупках в нем пушнины русскими людьми в середине XVII в., оплаченных иностранными монетами⁵. Еще более ценны оказались сведения о выплатах в Москве и посылках в конце 60-х–начале 70-х гг. XVII в. в сибирские города в качестве денежного жалования служилым людям золотых и серебряных монет, названия которых свидетельствуют, что это были монеты иностранной чеканки. При этом видно, что отпуск этих монет из Сибирского приказа осуществлялся по ценам, превышающим указные, установленные Новоторговым уставом 1667 г. для монопольной закупки их в казну: талер, указная цена которого составляла 50 копеек, выдавался взамен 60 русских копеек, а «золотой одинокий» (дукат), приобретаемый казной по рублю, засчитывался при отпуске в 1,2 рубля. Словом, мы можем констатировать, что к концу 1660-х гг. казна увидела, что извлекать выгоду от закупки иностранных монет можно не только путем передела их в русские, но путем проведения обменных операций. О том, что подобный обмен, осуществляемый Купецкой ефимочной палатой, происходил и в конце 80-х гг. XVII в. свидетельствуют записки чешского иезуита И. Давида, который говорит также о возможности вывоза из России полученных при обмене монет⁶.

О возможности использования в России иностранных серебряных монет (ефимков) как средства платежа говорит масштабное пожалование ими дипломатов, заключивших в 1686 г. «вечный мир» с Речью Посполитой, а также тех, кто занимал командные посты во втором Крымском походе 1689 г. В первом случае денежные награды ефимками получили бояре Б.П. Шереметев и И.В. Бутурлин (по 4000 ефимков), окольниковые П.Д. Скуратов и И.И. Чаадаев (по 3000), думный дьяк Е.И. Украинцев (2000), дьяки В.И. Бобинин, П.Б. Возницын и И.М. Волков (по 500 ефимков)⁷. Во втором наградой в 4000 ефимков был отмечен боярин Л.Р. Неплюев, стольнику князю Я.Ф. Долгорукому и окольниковому В.А. Змееву определено по 3500, думным дворянам А.И. Хитрово и Г.И. Косагову – по 3000, думному дьяку Е.И. Украинцеву и стольнику князю Ф.Ю. Барятинскому – по 2500 ефимков; а всего назначены в тот раз 23 подобные выдачи, вместе составившие 31400 ефимков⁸. Как говорится в указах, талеры предназначались на покупку вотчин; иными словами – «вбрасывались» на рынок. Очевидно, что сами награжденные могли распорядиться монетами по своему усмотрению.

4. Таким образом, обращение контрамаркированных талеров в период денежной реформы царя Алексея Михайловича, а затем использование не клейменных золотых и серебряных иностранных монет в качестве средства платежей на внутреннем рынке России, в какой-то мере приучили русских людей к использованию крупных монет европейских типов наряду с привычными всем копейками русской чеканки и таким образом помогли подготовить «общественное мнение» к введению при Петре I параллельного обращения русских монет европеизированного внешнего вида вдобавок к традиционным монетам из проволоки.

¹ Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства середины XVII в. и реформы 1654–1663 гг. Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т.4. С.94.

² Спасский И.Г. О золотых царя Василия Ивановича Шуйского // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. XLIX.

³ Ранняя работа В.М. Потина, затронувшая тему золотой монеты в допетровской России, появилась еще в 1964 г. Уже тогда автор утверждал, что иностранные словари XVI–XVII вв. «в согласии с рядом русских источников подтверждают, что золотые и ефимки служили» не только сырьем для ремесла и чеканки российской монеты, но «также международными деньгами и принимали участие, хотя и в ограниченной мере, во внутреннем денежном обращении русского государства, особенно в пограничных землях и городах-центрах торговли с иностранцами». См.: Потин В.М. Термины русского денежного обращения в иностранных словарях XVI–первой четверти XVII в. // Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. Л., 1965. Впоследствии теме были посвящены работы. Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. Он же. Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV–XVII вв. // Русская нумизматика XI–XX веков. Л., 1979.

⁴ Мельникова А.С. Средневековая русская нумизматика в советских исследованиях 1950–1980 гг. // ВИД. Л., 1991. Т. XXII. С.5–24.

⁵ Об этом см.: Ширяков И.В. Расходные книги Сибирского приказа об изменениях в денежном обращении в Москве середины XVII в. // Государственный Эрмитаж / Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. – Спб., 1998. – С.148–151; Он же. Некоторые данные о поступлении в Сибирский приказ и расходовании им иностранной монеты в первые годы царствования Алексея Михайловича // Нумизматический сборник 1998 г. к 80-летию В.М. Потина. Спб., 1998. С. 155–170; Он же. Пушные «торги» стольника Н.П.Воейкова: к вопросу о составе денежной массы в преддверии реформы 1654–1663 гг. // Монета. Вологда, 2001. Т. 8. С. 31–39 (начало); Монета. Вологда, 2003. Т.9. С. 49–65 (окончание).

⁶ Давид И. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 126–132; № 3. С. 92–97; № 4. С.138–147.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Спб., Т. 2. № 1197. С. 803.

⁸ Там же. Т. 3. № 1343. С. 25–26.